

УДК 82(520)-343

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-9-9-21

Элементы эпического сюжета в «Сказании о Ёсицунэ»

Анна И. Ковалевская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, lavokynna@gmail.com*

Аннотация. Среди исследователей японской литературы возникает немало споров о том, возможно ли включить повествования жанра *гунки-моногатари* в ряд других эпических произведений, однако по сложившейся традиции эти повествования, в том числе и «Сказание о Ёсицунэ» (XV в.), все-таки относят к произведениям литературы, забывая об их фольклорной природе. В настоящей статье на примере анализа структуры «Сказания о Ёсицунэ» и ключевых эпизодов биографии главных персонажей мы, во-первых, покажем, что не только наличие «эпического ядра» сближает данное произведение с эпосом, но и другие отдельные мотивы и тематические блоки. Во-вторых, несмотря на предположения некоторых исследователей о том, что происходил определенный отбор легенд для создания более реальных образов, в сущности, предпосылок для этого в тот период в японской культуре не существовало, – видимо, каким-то образом произошло структурирование устных легенд о Ёсицунэ в соответствии с эпической композицией. Таким образом, мы видим, что, несмотря на отсутствие эпоса как жанровой традиции, эту нагрузку может принять на себя жанр *гунки-моногатари*, порождая композиционно и тематически близкое к эпосу повествование.

Ключевые слова: «Сказание о Ёсицунэ», гунки-моногатари, военные повествования, японский фольклор, эпические элементы, сравнительно-типологический анализ

Для цитирования: Ковалевская А.И. Элементы эпического сюжета в «Сказании о Ёсицунэ» // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 9 (42). С. 9–21. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-9-9-21

The epic elements in “The Chronicle of Yoshitsune”

Anna I. Kovalevskaya

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, lavokynna@gmail.com*

Abstract. There is a great deal of debate among researchers of the Japanese literature about whether it is possible to consider the narrative form called *gunki-monogatari* a branch of epic genre, but, according to the tradition, these narratives – including “The Chronicle of Yoshitsune” (15th c.) – are regarded as literary works, despite their folkloric nature. This main characters biographies. First of all it shows that not only the presence of an “epic core” brings this work closer to the epic but also its certain motifs and topical units have clear epic provenance. Secondly, despite the researchers’ suggestions about the selection of legendary material undertaken by the authors of “The Chronicle” in order to create a more real image, in fact, there were no prerequisites for this technique in the Japanese culture of that period. It seems that in “The Chronicle of Yoshitsune” oral legends were structured in accordance with an epic plot structure. Thus, we can see that in spite of the lack of traditional epic forms, that function can be assumed by *gunki-monogatari*, engendering a narrative structurally and thematically similar to the epic.

Keywords: “The Chronicle of Yoshitsune”, *gunki-monogatari*, war tales, Japanese folklore, epic elements, comparative studies

For citation: Kovalevskaya AI. The epic elements in “The Chronicle of Yoshitsune”. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series*. 2018;9:9-21. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-9-9-21

Введение

В Японии конца XII в. в результате политических изменений к власти приходит военное сословие: борьба за власть и военные сражения отразились в большом количестве отдельных сюжетов, которые с течением времени начали собираться в циклы – так называемые военные повествования *гунки-моногатари*. Одним из наиболее полюбившихся аудитории героев этих повествований стал полководец Минамото-но Ёсицунэ (1159–1189), трагическое падение которого на пике славы обеспечило ему невероятную

популярность. Легенда о Ёсицунэ на начальных этапах формирования содержит в основном сюжеты о воинских подвигах, но по мере популяризации образа появляются легенды, затрагивающие его детство и годы изгнания, что в конце концов выливается в формирование в XV в. анонимного произведения под названием «Сказание о Ёсицунэ» (далее – «Сказание») [1].

Среди исследователей военных повествований и японской литературы в целом возникает немало споров о том, возможно ли относить произведения жанра *гунки-моногатари* к числу эпических произведений, но со «Сказанием» все обстоит гораздо сложнее, поскольку исследований подобного рода существует крайне мало.

В большинстве общих работ [2, 3, 4], посвященных японской литературе, военные повествования сравнивают с «Песней о Роланде» или «Илиадой», т. е. памятниками, которые зачастую рассматриваются как образцы литературы. Исследователи считают, что и «Сказание» можно отнести к литературному произведению, определяя его жанр как разновидность средневекового романа [1, 5, 6, 7]. Самым показательным в этом ряду является тезис Д. Кина, который в целом не признает «Сказание» в качестве художественного произведения, указывая на бессвязность и несоответствия в тексте и считая, что ему не хватает *литературного* мастерства [7 с. 895].

Другие исследователи [6,8] говорят о том, что основная идейная нагрузка лежит на сценах боев (так называемое «эпическое ядро»), что собственно позволяет относить «Сказание» к жанру *гунки-моногатари* и что отчасти роднит его с эпическим жанром. Этими же исследователями отмечается, что составитель тщательно отбирал сюжеты легенды о Ёсицунэ, формируя более реальный образ героев.

Но, так или иначе, большинство исследователей ставят военные повествования в ряд произведений литературы, что, на наш взгляд, не вполне верно: так, черты, о которых пишет Д. Кин, как раз подтверждают устное бытование если не самого текста «Сказания» (вероятнее всего, оно уже изначально предназначалось для чтения), то по крайней мере отдельных его сюжетов, а указание исследователей на схожесть некоторых элементов «Песни о Роланде», «Илиады» и «Сказания» наводит на мысль о наличии фольклорного источника и у последнего произведения. Так или иначе, без помощи сравнительного анализа решение подобных вопросов представляется затруднительным (заметим, что подобный анализ отсутствует и в крупных исследованиях «Сказания» [1, 6, 9, 10]).

В данной статье мы проанализируем ключевые эпизоды биографии двух главных персонажей «Сказания» и попытаемся выделить типологические параллели с некоторыми эпическими произведениями как архаического, так и классического типа. Для сравнения подобного рода у нас есть достаточно оснований: в первую очередь, это отдаленность времени событий, о которых идет повествование, от времени создания произведения, также наличие общего сюжетного ядра (оборона границ от «чужого», а в более широком смысле – поддержание гармонии вселенной [11 с. 76]) и, наконец, некоторые сходства в исторических процессах (вариант классического эпоса).

Рождение и детство героя

Зачастую в эпическом произведении довольно отчетливо выделяется самый первый этап биографии героя – его рождение (иногда также зачатие) и детские годы. Героическое детство – это некая предыстория сюжета, представляющая собой набор исходных тем и мотивов, в зависимости от чего возможны различные способы их реализации в последующей сюжетной линии [12 с. 47–54].

Мотивы чудесного зачатия, предзнаменования и последующего чудесного рождения являются более характерными для архаического эпоса: герой может родиться от того, что его мать съедает какую-то пищу (Манас [13]) или выпивает напиток (Кухулин [14]), может родиться у престарелых родителей (Алпамыш [15]) или уже после смерти отца (сын Манаса Семетей [13], нарты Урызмаг и Хамыц [16]) – характер исходного мотива определяет дальнейшее развитие эпического конфликта.

В соответствии с сюжетом «Сказания» отец главного героя Миnamото-но Ёситомо умирает, когда сыну исполняется год, при этом зачатие и непосредственно рождение мальчика не ознaменовано никакими особыми событиями¹. После рождения Ёсицунэ его мать бежит из столицы, дабы спасти троих сыновей от господствующего на тот момент Тайра-но Киёмори, но вернувшись из-за престарелой матери обратно, она пленит своей красотой правителя и тем самым спасает и мать, и детей – подобный мотив часто встречается в тюркском эпосе («Манас», киргизский эпос [17]).

Абсолютно другие мотивы мы встретим в эпизоде рождения будущего вассала Ёсицунэ Сайто-но Мусасибо Бэнкэй: этот герой рож-

¹ Любопытно, что и в других источниках легенды о Ёсицунэ мы также не находим особых примет рождения героя.

дается только на восемнадцатом месяце и выглядит как двух-трехлетний ребенок с волосами до плеч и зубами во рту². Подобные мотивы характерны как для сказочных³ (например, в японской традиции это сказки о Момотаро, Иссунбоси и др.⁴), так и для эпических произведений (например, сходные мотивы можно обнаружить в эпизоде рождения побратима Манаса Алмабета), что указывает на их мифологическое происхождение и, следовательно, архаичность. В случае «Сказания» нет оснований говорить о какой-либо связи этого произведения с мифом или ритуалом, и хотя в образе того же Бэнкэй можно обнаружить некоторые мифологические черты (схожие, например, с чертами Сусаноо-но микото), в данном случае чудесное рождение скорее подчеркивает особенность героя.

В зависимости от исходного мотива проистекает дальнейшее детство героя. Так, оба главных героя «Сказания» отсылаются из дома: Ёсицунэ – в храм Курама, а Бэнкэй – сначала на воспитание к тетке, а затем – также в храм на горе Хиэй. Мотивировка подобной отсылки героя может быть разная: вражеский завоеватель боится взрослеющего мстителя (случай Ёсицунэ), или, напротив, мать пытается спрятать ребенка от врага (тюркский эпос), или, как в случае с Бэнкэй, родители просто пытаются избавиться от ребенка (например, подобный мотив встречается в японской мифологии: император Кэйко отправляет Ямато-такэру, поскольку пугается его необузданной силы [20]). Основа подобного мотива – мифологическое сиротство, и отец как бы приобретает заново: узнают об отце Семетей, герои башкирского эпоса, нарты Урызмаг и Хамыц, Батрадз и др.; зачастую это происходит случайно в игре, после чего герой во что бы то ни стало пытается отомстить за гибель отца.

Характерным элементом чудесной биографии эпического героя является также его поведение, которое имеет различный характер, но скорее богатырские качества могут проявиться сразу же, что выражается в буйности нрава, озорстве во время игр и состязаний со сверстниками и др. Буйный нрав проявляют герои тюркского (Манас, Семетей, Кусяк), нартского (Хамыц, Сослан), классического (юный Гильом [21]) эпоса. В эту же группу можно отнести

² В рассказе *Бэнкэй-моногатари* появляются также другие мотивы, отсутствующие в «Сказании»: мать молится семь дней с просьбой о ни-спослании ребенка, божество дает матери во сне перо коршуна, Бэнкэй находится в утробе три года, и уже сразу после рождения младенец начинает говорить.

³ Mot. T. 551, T. 570, T. 585, T. 615 [18].

⁴ Mot. 302, 425B [19].

персонажей японской традиции, начиная с мифологических героев Ямато-такэру и Сусаноо-но микото, которого также за буйный нрав высылают с Равнины Высокого Неба, и заканчивая героями «Сказания»: так, Ёсицунэ, твердо решив восстановить имя своего рода Минамото и отомстить за отца, дает отпор монахам, которые задумали его постричь для того, чтобы он отрекся от этих грешных мыслей. Бэнкэй же проявляет свой буйный нрав с самого рождения, дразня сверстников и монахов храма Хиэй, и до конца жизни, проявляя отвагу в последней схватке с врагом.

Взросление и уход из дома

Надо сказать, что первый подвиг эпического героя, который ознаменовывает конец его детства, часто может выглядеть как озорство во время игр, – таковы, например, игры юных героев былин, нартского, башкирского эпоса, в которых герои показывают свою неуюмную силу. Вот и характер поведения юного Бэнкэй выражается проявлением необузданности во время игр и состязаний со сверстниками в монастыре, что заканчивается поджогом одной из храмовых построек.

Однако первый подвиг может быть и вполне осознанным: например, герой испанского эпоса Сид (согласно поэме «Родриго» [22]) убивает графа Гомеса, что одновременно является мстью за оскорбление отца. Эпический герой также может пуститься в приключения, как былинные или нартские герои, отправиться на защиту страны или на выполнение опасного поручения, как Манас и Семетей, Сид, Гильом или Роланд. И зачастую после совершения первого подвига герой обретает взрослое имя или прозвище: Кухулин («пес Кулана») получает свое имя после убийства пса, Алпамыш («богатырь») – после того, как сбивает стрелой макушку гор, а Манас после победы над калмыцким войском получает прозвище Канкор («кровопийца»).

Ёсицунэ впервые показывает свои силы, в одиночку победив шайку разбойников по дороге в северный край Осю, после чего самостоятельно проводит церемонию совершеннолетия, во время которой выбирает себе имя Куро Ёсицунэ⁵.

⁵ Имя «Куро» дается девятому по счету ребенку в семье, и хотя на самом деле Ёсицунэ был восьмым, он не хотел равняться с дядей, участвовавшим в смуте годов Хогэн (1156) и носившим боевое прозвище Хатири (т. е. «восьмой»); иероглиф «ёси» в имени Ёсицунэ является «родовым» и встречается также в именах его деда, отца и одного из братьев.

После совершения первого подвига завершается детство героя, и он покидает свой дом. При этом мотивы ухода также могут быть разными: это может быть сватовство (походы Кухулина, нартов, героев башкирского эпоса), выполнение опасного поручения, проявляющегося в том числе в совершении походов на благо государства (широко представлено в классическом эпосе), осуществление мести за гибель отца (Батрадз, Семетей, Сид) или же поход без особой цели (например, в русских былинах).

Основная цель главного героя «Сказания» – даже не столько месть за отца, сколько месть всему роду Тайра и восстановление имени и прав дома Минамото, хотя большая часть повествования приходится на приключения Ёсицунэ, не связанные с основной целью.

Так, уже совершеннолетний Ёсицунэ скучает в Осю, поэтому решает отправиться в Киото, где он узнает о существовании некоего трактата, изучив который, он познает все секреты военного мастерства. Подобный мотив нередко встречается в эпических произведениях: Кухулин отправляется в опасное путешествие, чтобы пройти обучение у воительницы Скатах, скандинавский бог Один похищает «мед поэзии», чтобы овладеть поэтическим даром, а юный Родриго получает силу, помогая прокаженному.

Там же в столице Ёсицунэ случайно узнает о беспечно странствующем разбойнике Бэнкэй, после чего сталкивается с ним в поединке: силы соперников равны, поэтому Бэнкэй покоряется и становится верным вассалом, другом и мудрым помощником Ёсицунэ. Данный мотив – мотив побратимства – также широко распространен в различных традициях: сражаются друзья Кухулин и Фердиад (хотя в данном случае их битва заканчивается смертью последнего), после равной борьбы становятся друзьями Роланд и Оливье, многие из нартов приобретают названного брата во время охоты, а Манас и Алмамбет становятся молочными братьями без сражения.

Обзаведясь верным помощником и собрав отряд единомышленников, Ёсицунэ отправляется на поиски старшего брата, который уже начал борьбу с домом Тайра. Минамото-но Ёритомо, еще не будучи правителем, в народном сознании уже приобретает его черты, поэтому можно говорить о том, что последующие походы Ёсицунэ по истреблению вражеского войска Тайра, сюжеты которых в «Сказании» сильно сжаты, можно определить как походы на благо государства в большей степени, чем месть за гибель отца. И эти эпизоды во многом находят соответствия с классическим эпосом, ядром которого как раз и является защита государства и своего

народа от врагов. Для классического типа эпоса также характерна ссора эпического правителя с главным героем, причиной которой зачастую становятся наговоры завистников: по наущению Ганелона в последний поход отправляется Роланд, по навету советников ссорятся Сид и король Альфонс. Помимо того, что у Ёритомо и Ёсицунэ отношения накалялись с каждой новой победой последнего, окончательной размолвке между братьями поспособствовал советник Ёритомо, который также участвовал в сражениях против Тайра, но не получил тех же почестей и народной любви, что Ёсицунэ.

После этого герои бегут в свое единственное убежище – край Осю, по пути в которое происходят небольшие столкновения с вражескими отрядами. В целом эти эпизоды не отмечены какими бы то ни было особенностями, кроме как наличием устойчивого мотива вассальной верности, правда, выражающегося в меньшем масштабе, чем в других эпических произведениях: вассалы Ёсицунэ проявляют лояльность по отношению к своему господину и готовы пожертвовать своей жизнью ради него.

Гибель героя

Зачастую путь эпического героя завершается гибелью на поле боя. Погибают, защищая соратников и свои земли, Роланд, Кухулин, Манас, предательски убит Сигурд (Зигфрид), нарт Хамыц и некоторые герои башкирского эпоса, Хлёд погибает, ввязавшись в схватку со старшим братом, и т. д. И в «Сказании» представлен именно этот вариант: Ёсицунэ и все его вассалы гибнут в схватке у реки Коромо. В данной сцене мы встречаем симметричный мотив предательства: войско Фудзивара-но Ясухира, обещавшего поддерживать Ёсицунэ, по приказу Минамото-но Ёритомо – к тому времени уже полноправного правителя – застает врасплох небольшую группу вассалов в усадьбе Ёсицунэ. Оба героя присутствуют и погибают на поле боя, но в повествовании это представлено совершенно по-разному.

Ёсицунэ, узнав о том, что Ясухира собирается на него напасть, сразу же решает выставить против его войска отряды своих вассалов и покончить жизнь самоубийством. И с одной стороны, подобная гибель далека от героической по меркам эпического произведения, поскольку герой бежит от боя, оставляя соратников наедине с врагом. С другой стороны, подобный образ в японской традиции, напротив, представляется героическим и благородным: с начала выхода на политическую сцену военного сословия постепенно

начинают формироваться идеальный образ воина и его кодекс чести, и, хотя в период создания «Сказания» эти образы еще только принимают свои очертания, можно говорить о том, что в образе Ёсицунэ были выражены черты идеального воина. Напротив, в образе Бэнкэй нашли отражение черты идеального вассала: в сцене финального боя он представлен как образцовый эпический герой, взявший на себя управление вассалами Ёсицунэ. Умирает он также самым последним из вассалов: *...не сосчитать было стрел, вонзившихся в его доспехи. ...закостенев, он стоял, чтобы не пропустить врага, пока господин совершает самоубийство* [1 с. 381–382].

Если мы обратимся к другим эпическим традициям, то обнаружим большое количество подобных сцен. Например, сподвижник Манаса Алмамбет долгое время находился в окружении китайского войска, а сын последнего Кульчоро был ранен в девяноста местах, прежде чем его пленил молочный брат. В классической эпической песни о Роланде также есть образ монаха Турпена, который продолжал битву, несмотря на то что в него были вонзены пики неприятеля.

Таким образом, трагический финал является особенностью эпического произведения, а приключения эпического героя зачастую ведут его к гибели, тогда как, например, сказочного, напротив, приводят к оптимистичному финалу [23 с. 9–10], – что в полной мере мы можем увидеть и в «Сказании».

Заключение

Несмотря на проявляемый интерес к «Сказанию» среди как японских, так и западных исследователей и их попытки дать жанрово-типологическую характеристику, обсуждения эти ограничиваются, в сущности, лишь предпочтениями самого автора. Исследований «Сказания» сравнительно немного и в большинстве случаев подобные предположения высказываются гипотетически, без аргументации своей позиции, поэтому необходимо комплексное изучение этого памятника. В частности, на основании сравнительного анализа «Сказания» с эпическими произведениями других традиций можно сделать следующие выводы.

Во-первых, благодаря сравнительно-типологическому анализу мы смогли обнаружить то, что «Сказание» роднит с эпическими произведениями не только «эпическое ядро», реализованное в сценах сражений, но и многие другие мотивы и целые тематические блоки вроде героического детства.

Во-вторых, исследователи, в попытках вписать «Сказание» в литературный ряд при помощи сравнения его с «Илиадой» или «Песнью о Роланде», забывают о том, что эти произведения относятся к эпическому жанру и имеют фольклорное происхождение, это справедливо и по отношению к «Сказанию». Сюда же стоит отнести предположения некоторых исследователей о том, что происходил определенный отбор легенд для создания более реальных образов и событий повествования, хотя никаких предпосылок для подобного «реализма» в тот период в японской культуре не существовало, и очевидно, что «Сказание» сложилось на основе устных сюжетов, бытовавших в области его формирования (а именно в районе Киото).

Таким образом, несмотря на то что в японской традиции эпос не зафиксирован как отдельная жанровая традиция, появляется жанр «воинских повествований» *гунки-моногатари*, который, используя различные источники (прежде всего устные), порождает нечто похожее на эпическое произведение: появляются эпические характеры, используются некоторые эпические шаблоны и т. д. Подобное явление можно обнаружить и в других дальневосточных традициях, где также не зафиксировано эпических жанров, тем не менее эту нагрузку берут на себя другие жанры. Повторимся, что специального отбора легенд, видимо, не было, но каким-то образом произошло структурирование уже имеющихся сюжетов в соответствии с эпической композицией, что отразилось в создании героической биографии Ёсицунэ.

Литература

1. Нихон котэн бунгаку тайкэй [Собрание произведений японской классической литературы]: В 100 т. Т. 37: Гикэйки [Сказание о Ёсицунэ]. Токио: Иванами сётэн, 1964. 462 с.
2. Aston W.G. A history of Japanese literature. London: W. Heinemann, 1893. 434 p.
3. Mason R.H.P., Caiger J.G. A History of Japan. Rutland, Vt.: Charles E. Tuttle Company, 1997. 408 p.
4. Miner E., Odagiri H., Morrell R.E. The Princeton Companion to Classical Japanese Literature by Princeton: Princeton Univ. Press, 1988. 296 p.
5. Конрад Н.И. Избранные труды: Литература и театр. М.: Наука, 1978. 462 с.
6. Торопыгина М.В. «Повесть о Ёсицунэ» и ее роль в японской средневековой литературе [Электронный ресурс]: дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1988. 199 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008515223> (дата обращения 20 авг. 2018).

7. *Keene D.* Seeds in the Heart: Japanese Literature from Earliest Times to the Late Sixteenth Century. New York: Henry Holt and Company, 1993. 1265 p.
8. *Боронина И.А.* Классический японский роман: «Гэндзи-моногатари» Мурасаки Сикибу. М.: Наука, 1981. 294 с.
9. *Симадзу Хисамото.* Гикэйки [Сказание о Ёсицунэ]. Токио: Иванами сётэн, 1933. 52 с.
10. *McCullough H.C.* Yoshitsune: A Fifteenth-century Japanese Chronicle. California: Stanford Univ. Press, 1966. 376 p.
11. *Мелетинский Е.М.* От мифа к литературе: Учебное пособие по курсу «Теория мифа и историческая поэтика повествовательных жанров». М.: РГГУ, 2001. 170 с.
12. *Неклюдов С.Ю.* Поэтика эпического повествования: пространство и время. М.: Форум, 2015. 216 с.
13. Манас: киргизский героический эпос / По вар. Сагымбая Орозбак уулу и Саякбая Каралаева; сост. З. Бектенов, К. Нанаев. Бишкек: Учкун, 1999. 432 с.
14. Ирландские саги / Пер. и коммент. А.А. Смирнова. Л.: Academia, 1933. 371 с.
15. Алпамыш: Узбекский народный эпос / По вар. Фазила Юлдаша; пер. Л. Пеньковского. М.: Худож. лит., 1949. 174 с.
16. Сказание о нартах: Осетинский эпос / Пер. с осет. Ю. Либединского. М.: Советская Россия, 1978. 512 с.
17. Башкирское народное творчество: В 6 т. Т. 1: Эпос. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1987. 541 с.
18. *Thompson S.* Motif-index of folk-literature: a classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, medieval romances, exempla, fabliaux, jest-books, and local legends [Электронный ресурс]. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1955–1958. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/thompson/> (дата обращения 15 февр. 2018).
19. *Ikeda Hiroko.* A Type and Motif Index of Japanese Folk-Literature. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia Academia Scientiarum Fennica, 1971. 368 p.
20. Кодзики: Мифы Древней Японии / Пер. со ст.-яп., предисл. и коммент. Е.М. Пинус. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 256 с.
21. Песни о Гильоме Оранжском / Отв. ред. А.Д. Михайлов. М.: Наука, 1985. 576 с.
22. Песнь о моем Сиде: староиспанский героический эпос / Отв. ред. А.А. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 255 с.
23. *Vries J., Cooper E.* The Problem of the Fairy Tale // Diogenes. 1958. № 6. P. 1–15.

References

1. Japanese literature collection. In 100 vols. Vol. 37: The Chronicle of Yoshitsune. Tokio: Ivanami seten Publ.; 1964. 462 p.
2. Aston WG. A history of Japanese literature. London: W. Heinemann Publ.; 1893. 434 p.

3. Mason RHP., Caiger JG. A History of Japan. Rutland, Vt.: Charles E. Tuttle Company Publ.; 1997. 408 p.
4. Miner E., Odagiri H., Morrell RE. The Princeton Companion to Classical Japanese Literature. Princeton: Princeton University Press, 1988. 296 p.
5. Konrad NI. Selected writings. Literature and theatre. Moscow: Nauka Publ.; 1978. 462 p. (In Russ.)
6. Toropygina MV. "The Tale of Yoshitsune" and it's role in Japanese medieval literature [Internet]. [dis. ... kand. filol. nauk]. Leningrad, 1988. [data obrashcheniya 20 Aug. 2018] URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008515223> (In Russ.)
7. Keene D. Seeds in the Heart. Japanese Literature from Earliest Times to the Late Sixteenth Century. New York: Henry Holt and Company Publ.; 1993. 1265 p.
8. Boronina IA. Classic Japanese novel: Genji monogatari. Moscow: Nauka Publ.; 1981. 294 p. (In Russ.)
9. Shimazu Hisamoto. The Chronicle of Yoshitsune. Tokio: Ivanami seten Publ.; 1933. 52 p.
10. McCullough HC. Yoshitsune: A Fifteenth-century Japanese Chronicle. California: Stanford University Press; 1966. 376 p.
11. Meletinsky EM. From myth to literature: Study guide on course "Theory of myth and historical poetics of narrative genres". Moscow: RGGU Publ.; 2001. 170 p. (In Russ.)
12. Nekliudov SYu. Poetics of epic narration. Place and time. Moscow: Forum Publ.; 2015. 216 p. (In Russ.)
13. Bektenov Z., Nanaev K., comp. Manas: Kirghiz heroical poem / Po variantam Sagymbaya Orozbek uulu, Sayakbaya Karalaeva; Bishkek: Uchkun Publ.; 1999. 432 p.
14. Irish sagas. Leningrad: Academia Publ.; 1933. 371 p. (In Russ.)
15. Alpamysh: Uzbek national epos. Po variantam Fazila Yuldasha. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ.; 1949. 174 p. (In Russ.)
16. Dog-sledge sagas. Ossetian epos. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ.; 1978. 512 p. (In Russ.)
17. Bashkir national folk literature. 6 vol. Vol. 1: Epos. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ.; 1987. 541 p. (In Russ.)
18. Thompson S. Motif-index of folk-literature: a classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, medieval romances, exempla, fabliaux, jest-books, and local legends [Internet]. Bloomington: Indiana University Press, 1955–1958. [data obrashcheniya 15 Dec. 2018] URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/thompson/>
19. Ikeda Hiroko. A Type and Motif Index of Japanese Folk-Literature. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia Academia Scientiarum Fennica Publ.; 1971. 368 p.
20. Kojiki: Myths of Ancient Japan. Ekaterinburg: U-Faktoriya Publ.; 2007. 256 p. (In Russ.)

21. Mikhailov AD., ed. Songs of William of Orange. Moscow: Nauka Publ.; 1985. 576 p. (In Russ.)
22. Smirnov AA. The Poem of my Cid. Old Spanish heroical epos. Moscow: Akademiya nauk SSSR Publ.; 1959. 255 p. (In Russ.)
23. Vries J., Cooper E. The Problem of the Fairy Tale. *Diogenes*. 1958;6:1-15.

Информация об авторе

Анна И. Ковалевская, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; lavokynna@gmail.com

Information about the author

Anna I. Kovalevskaya, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; lavokynna@gmail.com